

«МЯГКАЯ СИЛА» И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВА КАК ФОРМЫ И СПОСОБА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

© 2023 г. А. Л. Панищев

*Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса;
Славяно-Греко-Латинская академия, г. Москва*

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена понятию «мягкая сила», её формам и содержанию. Термин «мягкая сила» был введён сравнительно недавно, но по своему практическому воплощению он имеет многовековую историю. В определённом смысле слова «мягкой силой» осмысленно пользовались со времён государств Древнего Рима и Древнего Ирана. В статье отмечается неоднозначность политики «мягкой силы», поскольку её форма может варьироваться сообразно интересам государства, а также его социально-политического устройства. Так, применение «мягкой силы» в СССР качественно отличалось от той «мягкой силы», которую используют государства с капиталистическим укладом. Важно видеть разницу между «мягкой силой» и экономической экспансией, тем более граница между ними может оказаться весьма условной.

Важной идеей представленной статьи является то, что в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека значительно усиливается влияние транснациональных компаний, которые, по сути, выдавливают государства и стремятся заменить его собой. При этом природа и сущность транснациональных корпораций сильно отличается от природы и сущности государства, поэтому происходит процесс трансформации «мягкой силы», наполнение её новыми смыслами и мотивами. Если для государств в их классическом понимании культура с её традициями, духовными категориями, общечеловеческими ценностями могла стать семантическим наполнением политики «мягкая сила», то для транснациональных корпораций в основу политики обычно ложится экономический мотив. Такого рода мотив легко выльется в эксплуатацию одних людей другими людьми и утрате обществом таких черт, которые его определяют в качестве человеческого. Таким образом, в том виде, в котором понятие «мягкой силы» было актуальным ещё в конце XX в., в настоящее время выглядит рудиментом ушедшей исторической эпохи. Тем не менее степень развития информационных технологий, уровень их доступности могут стать новым содержанием «мягкой силы» во внешней политике государств.

Ключевые слова: «мягкая сила», культура, ценности, мотивы, внешняя политика, государство, антропологический кризис, транснациональные корпорации.

Цитирование: Панищев А.Л. «Мягкая сила» и её перспективы в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 201–206.

DOI: 10.31857/S102694520028730-4

“SOFT POWER” AND ITS PROSPECTS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE STATE AS A FORM AND MODE OF HUMAN EXISTENCE

© 2023 A. L. Panishchev

*Kursk Institute of Management, Economics and Business;
Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow*

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Received 16.12.2022

Abstract. The article is devoted to the concept of “soft power”, its forms and content. The term “soft power” was introduced relatively recently, but in its practical implementation it has a centuries-old history. In a certain sense, the word “soft power” has been meaningfully used since the times of the states of Ancient Rome and Ancient Iran. The article notes the ambiguity of the “soft power” policy, since its form can vary according to the interests of the state, as well as its socio-political structure. Thus, the use of “soft power” to the Soviet Unions was qualitatively different from the “soft power” used by states with a capitalist way of life. It is important to see the difference between “soft power” and economic expansion, especially since the border between them can be very conditional.

An important idea of the presented article is that in the conditions of the crisis of the state as a form and way of being of a person, the influence of transnational companies is significantly increasing, which, in fact, squeeze out the state and seek to replace it with themselves. At the same time, the nature and essence of transnational corporations is very different from the nature and essence of the state, therefore, there is a process of transformation of “soft power”, filling it with new meanings and motives. If for states in their classical understanding, culture with its traditions, spiritual categories, and universal values could become the semantic content of the “soft power” policy, then for transnational corporations, the economic motive usually forms the basis of the policy. This kind of motive will easily result in the exploitation of some people by other people and the loss by society of such traits that define it as human. Thus, in the form in which the concept of “soft power” was relevant at the end of the twentieth century, it now looks like a vestige of a bygone historical era. Nevertheless, the degree of development of information technologies, the level of their accessibility can become a new content of “soft power” in the foreign policy of states.

Key words: “soft power”, culture, values, motives, foreign policy, state, anthropological crisis, transnational corporations.

For citation: Panishchev, A.L. (2023). “Soft power” and its prospects in the context of the crisis of the state as a form and mode of human existence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 201–206.

В течение последних двух десятилетий обозначилась тенденция к усилению транснациональных компаний, которые претендуют на то, чтобы заменить собой государство. Сейчас эта замена происходит лишь в некоторой части общественного бытия, но, сообразно вектору социального и экономического развития общества, уместно прогнозировать в будущем высокую вероятность поглощения государства корпорациями, которые управляются узкой группой лиц. **Мотивом** к написанию данной статьи послужило стремление осмыслить производные государственного развития общества в таких условиях, которые в ближайшее десятилетие станут социальной реальностью. Среди таковых производных в данной статье выделена политика «мягкой силы». **Цель** данного исследования состоит в анализе смыслового содержания понятия «мягкая сила» в условиях усиления роли транснациональных корпораций на фоне кризиса государственного бытия человека. Сообразно поставленной цели постараемся решить вопросы, связанные с детекцией возможностей применения и специфики «мягкой силы» в Российской Федерации в системе

международных отношений, а также роли государства в характере и способе применения «мягкой силы». Методологической основой для настоящего исследования является концепция диалога культур, обоснованная в трудах М.М. Бахтина. Именно культура, духовно-нравственный авторитет нации являются обязательным условием для эффективного применения «мягкой силы». В диалоге культур востребованы самые лучшие стороны общества, его традиции, связанные с добротой, ответственностью, благочестием — всем тем, что характеризует его в качестве человеческого.

В 1990 г. вышла в свет работа американского учёного Джозефа Найта “Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”, в которой фигурировало понятие «мягкая сила». Это понятие органично присуще системе дипломатических отношений между государствами на разных уровнях, в том числе геополитическом. Нельзя сказать, что категория «мягкой силы» безупречна с точки зрения внутренней честности, так как нередко эффективность её применения обусловлена прямой угрозой применения насильственных

методов. Например, когда в 1853–1854 гг. commodор США Мэтью Перри вёл переговоры с Японией, то добился успеха на фоне присутствия боевой эскадры, которой японскому правительству нечего было противопоставить. Удобно описывать преимущества культуры, системы образования, религии своей нации, имея под рукой подавляющую военную силу. Тем не менее в диалектическом взаимодействии мягкой и жёсткой силы формируется мера эффективности или неэффективности внешней политики государства. По сути, интеллект правящей государственной элиты отражается в умении распоряжаться силовыми ресурсами как в мягкой, так и в жёсткой форме.

В некотором смысле предпосылкой к формированию концепции «мягкой силы» стал европоцентризм, достигший своего пика в начале XX столетия. В это время крупнейшие европейские государства активно и жёстко делили колониальные владения. К борьбе за колонии в косвенной форме подключились США, победившие в 1898 г. Испанию и забравшие у неё те колонии, ради освобождения которых саму войну и инициировали. При этом потенциал культуры конкурирующих наций стал средством в такой борьбе. Нельзя сказать, что противостояние ведущих колониальных стран обязательно сводилось к вооружённым конфликтам. Имела место и демонстрация собственных культурных традиций в качестве наиболее развитых. Местному же поработавшему населению предлагалось лишь восхищаться высотами западноевропейской или североамериканской цивилизации, рабски обслуживая интересы метрополий.

Среди ведущих капиталистических государств начала XX в. была и Российская Империя. В этот период она оказалась в состоянии системного и тяжёлого кризиса, следствием которого был ряд трагичных событий, включая русско-японскую войну, относящуюся в советской историографии к империалистической и по своей природе не соответствующую нормам традиционной русской культуры. Вместе с тем в период формирования Российской Империи в XVI–XVIII вв. именно «мягкая сила» стала основой для её территориального и цивилизационного расширения от берегов Балтики до Тихого океана. Невозможно никакими военными методами удерживать обширные земли Сибири, Алтая, Дальнего Востока, тем более при соседстве таких густонаселённых держав, как, например, Китай. Поэтому-то в основу расширения Российской Империи была положена её культура. Сам термин «культура» для русского языка довольно-таки поздний (впервые в Российской Империи зафиксирован в 1845 г.), но значимый по своему духовному содержанию на протяжении столетий истории Российского государства.

Ценности культуры православного христианства стали основой для включения в состав России множества народов. Концепция «Москва – Третий Рим» предполагала то, что русский народ своей праведностью призван оправдывать бытие всего человечества пред Богом. Подобно десяти праведникам, ради которых Господь милует весь город (Библия, Бытие: 18), один народ, сохраняя христианскую веру и соответствующий образ жизни, защищает право на жизнь всех остальных народов. Отсюда и выражение В.С. Соловьёва: «Спасающий спасётся. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет»¹. Стало быть, многие народы, входя в состав Российской Империи, считали, что именно в единстве с русским народом они с наибольшей вероятностью достигнут духовного и интеллектуального благополучия. Когда «в 1754 году многотысячный китайский

военный отряд захватил южную часть Горного Алтая (Чуйскую, Канскую долины и берега реки Берель), двенадцать племенных вождей алтайцев – зайсанов – обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой о принятии их народа в российское подданство. Что и произошло 2 мая 1756 года»². Примечательно то, что в данном регионе почти не было русских солдат, однако огромные армии Китайской империи не смогли продолжить экспансию и воспрепятствовать присоединению к Российской Империи целых народов с их землями. Причём представители многих народов, принявших российское подданство, приобретали высокое социальное положение, достигали таких высот в органах центральной государственной власти, которые в среде их стран были для них невозможными.

В XVIII в. частью Российской Империи стала Аляска. В своём большинстве население Аляски представлено алеутами, которые также живут на Камчатке и Чукотке. Когда рыльский купец (Курская область) Григорий Иванович Шелехов (1745–1795) прибыл на остров Кадьяк, то прежде всего построил со своими товарищами школу для алеутских детей. Помощь в развитии системы образования стала своеобразной визитной карточкой русской культуры, которая стала символом присутствия России и в более поздний – советский – период. Так, после того как множество африканских стран провозгласили независимость, именно СССР оказал системную помощь в развитии школьного образования внутри этих государств, а также в подготовке профессиональных кадров среди местного населения в советских вузах. Символом такой помощи стал Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне – РУДН). Год основания этого Университета – 1960-й – совпадает со временем пика освобождения африканских стран от колониального гнёта, поэтому иногда называется «годом Африки» (17 государств на этом континенте в 1960 г. провозгласили независимость). Российская Федерация также содействует развитию образования в других странах, готова в своих вузах профессиональные кадры по ряду специальностей и командировать своих специалистов для помощи в развитии образования среди народов других государств.

Одна из составляющих «мягкой силы» проявляется в работе СМИ. Так, с 1961 г. Московское радио начало вещание в страны Африки передачи на местных языках (амхарском, суахили, хауса). Способность донести информацию до местного населения в понятной для него форме и желательно на родном для него языке есть также составляющая дипломатической работы и политики «мягкой силы».

Таким образом, видим, что «мягкая сила» в российской внешней политике выражается в содействии развитию нравственных и интеллектуальных качеств других народов. Если для капиталистического мира мягкая сила представлена прежде всего присутствием значительных финансовых средств, которые имеют неоднозначные последствия для развития местной экономики и сохранения государственного суверенитета, то в русской культуре мягкая сила обращена к духовным и душевным качествам. Россия привыкла добиваться не финансового или политического влияния, а любви. Это и есть специфика мягкой силы нашего государства. Причём следует признать, что такой подход к трактовке «мягкой силы» представляется вполне разумным. Человек, получивший образование на русском языке, с высоты занимаемой должности в своей стране сможет конструктивно и в русле добротолерантности развивать

¹ Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 556, 557.

² Рыжков Владимир. О Сибири с любовью // National geographic. 2008. Авг. С. 48.

отношения с Россией. История России, её классическая литература, музыка, кино для него будут не малоизвестной экзотикой, а составляющей его мышления. Система, которая предлагалась и защищалась в СССР, привлекала высоким уровнем социального обеспечения, нравственной безопасностью, стабильностью развития, что гарантировалось государством. Поэтому в советский период мягкая сила делала акцент на духовной культуре, на социальных аспектах, которые предрасполагали к комплексному развитию человека. Вместе с тем финансовый компонент в «мягкой силе» СССР был слабо выражен. «Мягкая сила» капиталистических государств предполагает обеспечение возможностей большого заработка и финансовой успешности. По сути, такая сила хотя и не использует военные методы, но обращена к материальному воздействию, а поэтому может быть названа экономической. Иногда экономическая сила являет собой привлекательный образ жизни, наполненный бытовым комфортом и финансовой обеспеченностью, но может свестись к экономической зависимости и шантажу. Поэтому «мягкая сила» при использовании рыночных капиталистических механизмов потенциально способна выражаться в разных ракурсах, некоторые из которых превращают её в экономическую экспансию. Тем не менее при использовании «мягкой силы» в русле экономических приоритетов ведущим капиталистическим государствам удалось укоренить свои ценности в мировоззрении многих народов мира. В некотором смысле речь идёт о постулировании и инкорпорировании в социальную среду тех норм, которые в государстве, применяющем «мягкую силу», считаются правильными. По сути, такое государство демонстрирует свой стиль жизни в качестве наилучшего, а также способность убедить других желать того же, к чему стремитесь вы сами³. По мере развития рыночных отношений брэнды страны и финансовых компаний, с которыми она ассоциируется, также стали частью «мягкой силы». По сути, всё это есть предпосылка к современным процессам глобализации.

Культурные ценности в применении «мягкой силы» являются спецификой России. Разумеется, в стране долгое время считалось, что она символизирует высокие духовные ценности, не случайно визитной карточкой России стал храм Василия Блаженного, расположенный на Красной площади в Москве. В США аналогичным символом государственности стала статуя Свободы, во Франции — Эйфелева башня, в Австралии — здание театра в Сиднее, в Соединенном Королевстве — Big Ben, а в России — православный храм. Это не означает того, что русский народ не интересуется развлечениями или не ценит свободу — всё это есть, но занимает не столь важное место, как категории праведности и святости. С.Л. Франк отмечал: «Общественный порядок должен быть не только целесообразным — в смысле наилучшего удовлетворения земных нужд человека, — но и праведным...»⁴. Свобода или комфорт не были культовыми в русской культуре, ибо сам человек мыслился в контексте бытия Бога.

Однако ошибочно считать, что в других странах игнорируют нормы культуры. «Мягкая сила» как опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и увеличения влияния страны в мире играла существенную роль в британской внешнеполитической стратегии задолго до

появления соответствующего термина»⁵. С учётом того, что Великобритания была крупнейшим колониальным государством, её обращение к «мягкой силе» выглядит закономерным явлением. Одна из составляющих применения «мягкой силы» Великобританией состоит в стремлении создать на международной арене имидж Англии как сильного и справедливого государства. Это делается за счёт инкорпорации в сознание людей определённого понимания истории, посредством популяризации тех литературных произведений, где прославляется Англия. Например, во все школьные учебники по всемирной истории внесены сведения о победе Англии над «великой армадой» испанцев в 1588 г. При этом только узкая группа историков знает о том, что уже в следующем 1589 г. английский флот потерпел как минимум не менее тяжёлое поражение от испанцев. Между тем историческое сознание развивается прежде всего на основе того материала, который внесён в школьные учебники, поэтому в случае с Великобританией известны её громкие победы, но редко кто знает о её поражениях. Огромный пласт художественной и учебной литературы, популяризированной в XIX в., был ориентирован на интересы Великобритании. Так или иначе, но умение повлиять на историческое сознание разных народов также представляется компонентом «мягкой силы».

Таким образом, видим, что «мягкая сила» имеет различные способы своего выражения, в значительной степени зависит от политического устройства и господствующего мировоззрения в том государстве, которое её применяет. Вместе с тем за последние десятилетия в мире наметились серьёзные изменения. С. Хантингтон писал: «Государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене»⁶. Применительно к XX в. государства, действительно, выглядели неизбежной формой социального устройства, безальтернативным способом развития человечества. Тем не менее в конце XX столетия на фоне антропологической катастрофы, констатируемой рядом учёных, обозначился кризис государственности как формы и способы бытия человека. В таких условиях новыми акторами «мягкой силы», её инициаторами могут оказаться не государства, а иные системы, совершенно другой природы и сущности. Речь идёт прежде всего о транснациональных корпорациях. Ж. Аттали прогнозирует распад государства как такового и его вытеснение глобальными компаниями финансового характера⁷. Такие корпорации вряд ли будут ставить ценности культуры, социального обеспечения в качестве ведущих или базисно мотивирующих. По сути, может с высокой долей вероятности произойти усугубление антропологического кризиса, а на фоне усиления тенденций трансгуманизма продолжится вырождение человека в традиционном его понимании. Не следует полагать, что транснациональные корпорации не в состоянии абсорбировать в себе концепцию «мягкой силы». Более того, они смогут её предложить в том виде, который внешне покажется привлекательным. Так, есть вероятность на софистической игре такими амбивалентными понятиями, как *жизнь* и *смерть*, придать иное смысловое наполнение концепту «мягкая сила». Отмечается, что «сила суверенитета — это мощь меча. Он угрожает смертью и использует «привилегию овладевать жизнью, чтобы подавлять ее». Напротив, дисциплинарная власть — это не сила, имеющая дело со смертью, а власть

³ См.: Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191.

⁴ Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003. С. 384.

⁵ Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 7.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 34.

⁷ См.: Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 181.

над жизнью: ее функция больше не убивать, а «повсеместно инвестировать в жизнь». Таким образом, «старая сила смерти» уступает место осторожному «управлению телами» и «расчетливому управлению жизнью»⁸. Крупные корпорации с большой долей вероятности постараются сыграть на этом таким образом, чтобы государство представить в глазах сообщества жестоким карающим механизмом, а частный бизнес — гибкой и либеральной системой. Между тем такой либерализм есть лишь видимость, за которой скрывается расчёт финансовой корпорации, ориентированной на извлечение материальной выгоды.

Нельзя забывать, что именно в рамках государственного развития стал возможен отказ от смертной казни, а правом на помилование или амнистию обладает глава государства. Именно в государстве был поставлен вопрос о развитии такого антропологического качества, как чувство доброты. В транснациональных корпорациях трудно надеяться на заинтересованность власти в духовном развитии подчинённых им людей. Более того, в условиях кризиса нравственного сознания государства становятся крайне уязвимыми, поскольку по своей сути являются производными от человеческой сущности. Государства могут распасться прежде всего в силу того, что «человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования»⁹. Сущность «мягкой силы» в своей основе обращена к культуре, к духовности людей, однако при антропологическом кризисе, вырождении культуры происходит не только разрыв между естественным и позитивным правом с последующим упадком государства, но и утрата содержания политики «мягкой силы». В некоторой степени государство может сохранить своё влияние посредством экологической политики. Ряд исследователей отмечают то, что с 1990-х годов усилила позиции «социо-эколого-экономическая система» как модель балансирования трех групп целей: социальных, экономических и экологических¹⁰. Тема экологической безопасности в СМИ стала культовой. Многие концепции XX в. ко времени его окончания приняли экологический подтекст и смыслы. Например, «идея ноосферы сегодня рассматривается практически исключительно в контексте отношения человека к природе и угрозе экологического кризиса... Неизменным остаётся сведение проблематики ноосферы в основном к решению глобальных экологических проблем»¹¹. Однако не следует переоценивать роль экологической политики в области сохранения силы и влияния государства.

Выводы

В Российской Федерации с её акцентом на духовных ценностях сложившееся положение дел может оказаться особенно тяжёлым. В условиях конкуренции с теми государствами, интересы которых совпадают с векторами развития транснациональных корпораций, характер пространства финансового роста далеко не всегда будет ориентирован на интересы России. Исходя из экономических возможностей Российской Федерации как государства, трудно будет защищать её

национальные ценности в приближающихся реалиях, характер которых определится финансовыми интересами транснациональных корпораций. Российская Федерация, с одной стороны, имеет ряд преимуществ, таких как развитая атомная энергетика, высокий уровень доступности сети Интернет, наличие собственного военно-промышленного комплекса, но при этом «у неё слабая промышленность, дорогая рабочая сила», нет самостоятельного финансового рынка¹². Апеллирование же к человеческим категориям, носящим этический смысл, в новых реалиях потеряет свою действенность. «Антропологическая катастрофа породила особый тип “человекоподобных существ”, для которых характерен отказ от метафизического измерения...»¹³. С.В. Колычев пишет: «Антропологическая катастрофа — это свершившийся метафизический акт, который проявился в духовных исканиях начала XX века, эта ситуация в культуре проявилась в том, что проблема укоренения человека в мире оказалась трудновыполнимой...»¹⁴. Похожие мысли мы находим в работах Р.М. Руповой¹⁵. В таких условиях «мягкая сила» станет рудиментом прежних уже несуществующих систем, а стало быть, либо прекратит применяться, либо примет иное смысловое наполнение. Полагаем, что в сложившихся обстоятельствах особое место занимают информационные технологии, средства организации виртуальной реальности, которые, подменяя собой ценности традиционной культуры, становятся значимыми объектами притяжения. Те страны, которые смогут наполнить смысл «мягкой силы» новыми технологическими возможностями с высоким уровнем их доступности, окажутся в лучших условиях как для взаимодействия с транснациональными компаниями, так и для осуществления внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 181.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. М., 2018. С. 16.
3. Вертакова Ю.В., Евченко А.В., Шербаков Д.Б. Зелёная экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия ЮЗГУ. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10 (5). С. 26.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.
5. Гуров В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 191.
6. Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века // Антропологические конфигурации современной философии: материалы науч. конф. М., 2004. С. 115.
7. Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

⁸ Гуров В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 191.

⁹ Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.

¹⁰ См.: Вертакова Ю.В., Евченко А.В., Шербаков Д.Б. Зелёная экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия ЮЗГУ. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10 (5). С. 26.

¹¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. М., 2018. С. 16.

¹² См.: Тимошук А.С., Тяги Р. Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 15.

¹³ Сайкина Г.К. Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2013. С. 14.

¹⁴ Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века // Антропологические конфигурации современной философии: материалы науч. конф. М., 2004. С. 115.

¹⁵ См.: Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

8. *Рыжков Владимир*. О Сибири с любовью // National geographic. 2008. Авг. С. 48.
9. *Сайкина Г.К.* Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2013. С. 14.
10. *Соловьев В.С.* Тайна прогресса // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 556, 557.
11. *Тимошук А.С., Тяги Р.* Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 15.
12. *Франк С.Л.* С нами Бог. М., 2003. С. 384.
13. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 34.
14. *Харитонов Е.М.* «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 7.
15. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191.
4. *Gurevich P.S.* The phenomenon of human deanthropologization // Questions of philosophy. 2009. No. 3. P. 20 (in Russ.).
5. *Gutorov V.A.* Bio-power and the political: actual aspects of modern discussions // Power and elites. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 191 (in Russ.).
6. *Kolychev S.V.* The problem of anthropological catastrophe in Western European philosophy of the twentieth century // Anthropological configurations of modern philosophy: materials of Scientific Conf. M., 2004. P. 115 (in Russ.).
7. *Rupova R.M.* Anthropological models in social philosophy of the XX – early XXI centuries: abstract ... Candidate of Philos. M., 2008 (in Russ.).
8. *Ryzhkov Vladimir*. About Siberia with love // National geographic. 2008. Aug. P. 48 (in Russ.).
9. *Saikina G.K.* The social potential of human metaphysics: abstract ... Doctor of Philosophy. Kazan, 2013. P. 14 (in Russ.).
10. *Solovyov V.S.* The Secret of progress // Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1988. Vol. 2. P. 556, 557 (in Russ.).
11. *Timoshchuk A.S., Tyagi R.* Systemic security of Russia and the temptations of the global world // Noospheric studies. 2021. Iss. 3. P. 15 (in Russ.).
12. *Frank S.L.* God is with us. M., 2003. P. 384 (in Russ.).
13. *Huntington S.* Clash of Civilizations. M., 2003. P. 34 (in Russ.).
14. *Kharitonova E.M.* “Soft power” of Great Britain: comparative analysis of mechanisms, tools and practices // Comparative politics. 2017. No. 1. P. 7 (in Russ.).
15. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Attali J.* A brief history of the Future. SPb., 2014. P. 181 (in Russ.).
2. *Bodrunov S.D.* Noonomika. M., 2018. P. 16 (in Russ.).
3. *Vertakova Yu. V., Evchenko A. V., Shcherbakov D.B.* Green economy and sustainable development: on the way to “greening” state socio-economic policy in the context of institutional transformation // Izvestiya YuZGU. Ser.: Ekonomika. Sociology. Management. 2020. No. 10 (5). P. 26 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПАНИЩЕВ Алексей Леонидович — кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ, старший научный сотрудник Курского института менеджмента, экономики и бизнеса; 305099 г. Курск, ул. Радищева, д. 35; профессор кафедры философии, теологии и религиоведения Славяно-Греко-Латинской академии; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 20
ORCID: 0000-0003-4327-1225

Authors' information

PANISHCHEV Alexey L. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of RAE, Senior Researcher at the Kursk Institute of Management, Economics and Business; 35 Radishchev str., 305099 Kursk, Russia; Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Slavic-Greek-Latin Academy; 20 Radio str., 105005 Moscow, Russia